

А. И. КОПАНЕВ

НЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ ВОЛОСТЬ В XVI—XVII вв.

При изучении северной поморской крестьянской волости XVI—XVII вв. исследователь всегда сталкивается с фактом значительного развития промыслов: морского промысла, рыболовства, солеварения и охоты. Промыслы, а не земледелие, являлись здесь зачастую главным источником материального обеспечения крестьянина. Промыслы определяли и весь внутренний строй волостной крестьянской жизни. Организация промысла — главная забота крестьянского мира. Рост неравенства в доле промысла между отдельными крестьянскими семьями — основа социальной дифференциации в волости. Борьба за сохранение промысловых волостных угодий от проникновения феодала — главный стержень классового конфликта.

В плане изучения значения промыслов для волостной организации особый интерес представляют те волости, в которых полностью отсутствует земледелие. Такой волостью, наиболее крупной и хорошо обеспеченной источниками,¹ в XVI—XVII вв. была волость Варзуга Двинского уезда.

¹ Сохранились описания Варзужской волости: 1) сотная «с книг описи» двинян Якима Романова и Никиты Путятина 1563 г. (Сб. ГРЭ, т. I, Пгр., 1922, № 165); 2) сотная из писцовых книг Василия Агалина и подьячего Степана Федорова 1575 г. (Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI—XVII вв., Л., 1930, № 6); 3) перепись Варзужской волости Постника Балакшина и подьячего Прокофия Яковлева 1586 г. (итоговые данные приведены в книге: А. А. Савич. Соловецкая вотчина XV—XVII в. Пермь, 1927, стр. 201); 4) отводные книги Степана Мотафтина на владения Новоспасского монастыря в Варзужской волости 1614 г., — помимо отводимых монастырю крестьянских дворов, в книге перечислены и дворы оставшихся «государевых крестьян» (Сб. ГРЭ, т. I, № 444); 5) выпись из писцовых книг Мирона Вельяминова и подьячих Бажена Степанова да Антона Подольского 1622—1623 гг. на владения патриарха в Варзужской волости (Сб. ГРЭ, т. II, Л., 1929, № 105). Кроме того, имеется значительное число Варзужских актов и других материалов, опубликованных в сборнике ГРЭ.

Сохранившиеся описания позволяют довольно точно определить территорию волости: по южному берегу Кольского полуострова она шла на 225 км от р. Оленицы на западе до р. Пялицы на востоке и охватывала, судя по расположению принадлежащих волости озер — Аренгозера, Сергоозера, Бабозера, Ондомозера, Кицозера, — пространство в глубь материка на 50—60 км. Кроме крупной реки Варзуги с притоком Кичей, по территории волости протекали небольшие реки, впадавшие в море: Оленица (в совместном владении с крестьянами соседней Умбской волости), Сальница, Индера, Чаваньга, Каменка, Стрельна, Югина, Чапома и Пялица (в совместном владении «с терскими допарями»). Море и реки в нижнем их течении были богаты рыбой, особую ценность в промысловом отношении представляла семга, устремлявшаяся несколько раз в год в р. Варзугу и в другие, более мелкие реки.² В отличие от других поморских волостей в Варзуге не было соляных источников, а следовательно, и солеварного промысла. Для земледелия климат был слишком суровым, лишь около домов были небольшие огороды и, видимо, незначительные сенокосные угодья по берегам рек и на островах. Писцы Василий Агалин и Степан Федоров в 1575 г. дали такую характеристику Варзуги: «А та у них Варзуга... от Двинские земли за морем за окянном, за большею пучиною, по смете тысяча верст и больше; а земли у них нет, хлеба они не пашут и соли не варят, потому что к ним цренных угодей не прилегло нигде; а та у них река и промысл, ловят в них красную рыбу семгу».³

В XVI—XVII вв. волость Варзуга, несмотря на ее огромную территорию, была волостью с одним-единственным населенным пунктом того же наименования. Селение Варзуга, отстоявшее от моря на 25 километров, располагалось по обоим берегам многоводной р. Варзуги и на острове, образованном здесь речными протоками. В середине XVI в. Варзуга была крупнейшим селением русского Поморья, насчитывающем более полутора ста дворов. В 1564 г. писец Яким Романов переписал здесь 124 двора жилых, 5 пустых дворов и 24 пустых мест дворовых. Наличие «пустоты», хотя и незначительной, свидетельствует о некоторых кризисных явлениях в экономической жизни волости. В 1568 г. Варзуга

² По данным середины XIX в., семга подымается по беломорским рекам Кольского полуострова в три различные срока: 1) в конце мая и начале июня, 2) в конце июня и в июле, 3) с первых чисел августа до появления первых признаков замерзания рек (Отчет высочайше утвержденной экспедиции для исследования рыбных и звериных промыслов на Белом и Ледовитом морях за 1859 год, составлен начальником экспедиции Н. Данилевским. СПб., 1860 (в дальнейшем: Н. Данилевский. Отчет), стр. 57).

³ Сборник материалов..., стр. 33.

была совершенно разорена опричниками.⁴ Отряд под начальством Басарги Федоровича, посланный для наказания варужан за отказ платить сбор за рыбную ловлю, произвел полный разгром волости: население бежало или было перебито, осталось лишь несколько жилых дворов.

Экзекуция Басарги, по мнению П. А. Садикова, была вызвана происками двинян, которые, используя опричное положение (Двина была взята в опричнину), стремились закрепить свое господство над «земской» Варзугой.⁵ И им это в какой-то мере удалось. В 1573—1574 гг., т. е. через 5—6 лет после погрома, писцы (Василий Агалин с товарищами) обнаружили, что прежними варужскими угодьями в Варзуге реке и по морскому берегу рыбными тонями и санными покосами «от речки Оленницы... до речки Пялицы» владеют именно двиняне и что они построили новый забор в Варзуге, недалеко от устья реки.⁶ Следовательно, после погрома двиняне смогли захватить рыбные промыслы в Варзуге в свои руки — и, видимо, не без помощи опричных властей. На вопрос писцов, когда двиняне завладели этими угодьями, монахи Илья (Сийского монастыря) и Герман (Николо-Корельского монастыря), жившие долго в Варзуге по промысловым делам своих монастырей, отвечали: «после, господине, межевания и отводу князя Григоря Вяземского да Басенка Федурина». Этот отвод, произведенный сразу же после «Басаргина правежа», означал присоединение Варзуги к опричнине и открывал, следовательно, запустошенную волость для двинских промышленников.⁷ Однако двиняне отпеслись к делу хищнически: они разбирали пустые крестьянские дворы, свозили их, построили новый забор в реке Варзуге ниже по течению, чем прежде, что препятствовало подъему рыбы в реку, забросили жемчужный промысел и т. д. От экономического захудания волости страдала и государственная казна, с Варзуги не стали поступать платежи: «Государева таможенная пошлина и жемчужная десятина залегла», как отмечали писцы.⁸

Описание Василия Агалина, производившееся вскоре после отмены опричнины, имело задачей нормализовать жизнь волости. Важнейшей мерой в этом плане была раздача им в Варзуге на оброк 79 пустых дворов и 33 мест дворовых пустых новым жильцам и возвратившимся прежним жителям. Последних, вероятно, было не так уже мало. Среди получивших дворы на оброк

⁴ Литературный вестник, т. I, кн. 3, СПб., 1901, стр. 304; П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950, стр. 199.

⁵ Там же, стр. 191—211.

⁶ Сведения о плачевном состоянии Варужской волости после Басаргина погрома содержатся в «Опросных речах» старцев Ильи и Германа перед писцом Василием Агалиным и подьячим Степаном Федоровым, опубликованных П. А. Садиковым: там же, стр. 461—463.

⁷ Там же, стр. 203.

⁸ Там же, стр. 462.

в 25 случаях указаны родственники прежних владельцев: сыновья, дочери, жены, братья и племянники. Как они пережили опричное лихолетье — можно только гадать. Раздача пустоты, фиксация государством за возрождавшейся волостью ее угодий,⁹ а за каждым двором — определенной доли их, установление размера государственных податей — все это способствовало в какой-то мере восстановлению внутренней жизни волости. Правда, экономически Варзуга не достигла уже прежнего уровня (уровня середины XVI в.). Многие крестьяне, получившие в 1575 г. дворы, не смогли, видимо, обзавестись прочным хозяйством и утратили вскоре свои угодья. В 80-х годах в Варзуге снова значительная пустота. По писцовой книге 1586 г. Постника Балакшина в волости оказывается 92 двора жилых и 42 пустых. В дальнейшем число дворов в Варзуге осталось примерно то же. Так, в 1614 г. при отводе в Варзуге 25 дворов Новоспасскому монастырю в отводной книге перечислено 55 дворов «государевых крестьян». Эти дворы в 1619 г. были переданы патриарху. Если учесть, что за Соловецким монастырем еще в 80-х годах было в Варзуге около 20 дворов и мест дворовых, то можно полагать, что общее количество дворов здесь в начале XVII в. достигало примерно сотни. Число жителей Варзуги, если исходить из расчета по 5 человек на двор, составит в середине XVI в. примерно 800 человек, а в начале XVII в. около 500 человек.

Такова внешняя история волости в изучаемый период.

Переходя к рассмотрению внутренней жизни волости, следует прежде всего выяснить, каким образом столь многолюдная и столь обширная по территории волость организовывала свое главное производство — рыбный промысел — и как происходило распределение получаемого при этом продукта.

Судя по документам XVI—XVII вв., рыбный промысел в Варзуге производился в море с берега и в реках; основной ячейкой промысла была тоня. Именно тони, т. е. удобные для лова места береговой полосы, установившиеся благодаря трудовому опыту поколений поморов, и перечисляют прежде всего писцы при описании волости. При переписи 1563 г. названо 83 тони действующих и 11 тонь пустых, при переписи 1575 г. число эксплуатируемых варзужанами тонь увеличилось до 113, так как между 1563 и 1575 г. к Варзужской волости была присоединена прибрежная территория от р. Каменки до р. Пялицы, ранее принадлежавшая двинянам. Примерно $\frac{2}{3}$ тонь находились на морском побережье (в 1563 г. — 54, а в 1575 г. — 82), остальные были устроены в реках, и более всего в Варзуге. Кроме

⁹ При этом в территорию Варзужской волости включен участок побережья между реками Каменкой и Пялицей, ранее находившийся во владении двинял.

тонь в реках, писцы перечисляют заборы — искусственные преграды, воздвигаемые поперек рек, с помощью которых рыба направляется в расставленные ей ловушки. Таких заборов в волости Варзуге было восемь, причем два забора на пограничных реках Оленице и Пялице находились в совместном владении с жителями соседних волостей.

Описания не оставляют сомнений в том, что все рыбные угодья — тони и заборы — являются общинной собственностью волости. «А те у них угодья не делены...» — обычная заключительная формула писцов к перечню тонн и заборов, встречающаяся во всех описаниях.¹⁰ Неделимость волостных рыбных угодий — реальный факт. Варзужские тони никогда не были во владении отдельных членов общины. Об этом свидетельствуют даже сами названия тонн, происходящие от физико-географических особенностей местности. Лишь две тони названы производными от имен людей: Давыдкова тоня и Некрасовская тоня. Даже феодалы-монастыри, проникшие в волость в XVI в., не получили в свои руки определенные тони, а лишь имели право на долю угодий наряду с крестьянами.

Неделимостью волостных угодий обуславливается общинный характер их использования. Писцы подчеркивают это следующей формулой: «А ловят на тех тонях варзужские волости жильцы и Соловецкого монастыря старцы красную рыбу семгу всею Варзужскою волостью неводы и хаврами», «в речках и в реке Варзуге в заборах ловят красную рыбу семгу Варзужские волости жильцы всею волостью»,¹¹ — итак, совместный промысел; «всею волостью» — естественное явление не только для крестьян, но и для монастыря, выступавшего здесь, как видим, вместе с волостью. Общинный характер промысла, конечно, предполагает, что волость является и организатором промысла. Она устраивает и содержит тони — строит на тонях избы и другое оборудование, чистит берег и дно и т. д. Волостью возводились и преграды на реках — заборы. Это трудоемкое дело волость предпринимала ежегодно сразу же после вскрытия рек, так как по осеням, перед ледоставом, заборы разбирались. Какая-то часть орудий лова на тони и заборы изготовлялась или приобреталась, видимо, также волостью. Ряд описаний позволяет предполагать это. Так, писцы 1563 г. при описании тонн в р. Варзуге указывают и орудия лова, применявшиеся на тонях при промысле. Оказалось, что на четырех тонях это были неводы — всего 24 невода. На 18 тонях лов вели с карбасов, так называемыми поездами, — 78 поездов. При этом писцы указали, что поезд (род сети)

¹⁰ Сб. ГКЭ, т. I, № 165, стр. 165; Сборник материалов..., стр. 34; Сб. ГКЭ, т. I, № 444, стр. 490.

¹¹ Сб. ГКЭ, т. I, № 165, стр. 165; Сборник материалов..., стр. 34.

обслуживался двумя карбасами, по два человека на карбасе.¹² Приведение точных данных об орудиях лова на волостных неразделенных тонях свидетельствует, что писцы воспринимали их, эти орудия, также в качестве неразделенной волостной собственности. Наряду с волостными орудиями лова на промысле, конечно, употреблялись и крестьянские, так как они имелись почти в каждом хозяйстве. Неводы, гавры, сети, карбасы, лодки и т. д. довольно часто встречаются среди вкладов варзужских крестьян в Соловецкий монастырь.¹³ Крестьянин выходил со своими орудиями лова в соответствии с той долей, которая определялась количеством луков, находившихся в его владении.

Итак, неделимые рыбные угодья, общинная собственность на какую-то часть орудий лова, общий труд — вот что определяло жизнь волости. О степени участия волостных жителей в общинном промысле можно судить по описанию 1563 г. До опричного погрома волость выставляла лишь для карбасного лова, производившегося в 18 речных тонях, 312 рабочих. Обслуживание остальных 65 тонь требовало также около 400 ловцов, так как для обеспечения нормальной работы, по позднейшим данным, на тоне должно находиться в течение всего промыслового периода 5—6 человек. Исходя из вышеприведенных расчетов о количестве жителей в Варзуге, можно заключить, что около 70—75% их участвовало в коллективном труде на промысле.

Встает вопрос: каким образом обеспечивался труд волостного крестьянина, т. е. как распределялся продукт промысла — рыба? И первое, что здесь может быть сказано: распределение шло не по труду, а в зависимости от величины той доли в волостных угодьях, которой владела крестьянская семья. Эта доля для каждой семьи определялась количеством луков или долей луков, которыми она владела. Описания волости, проводившиеся государством и фиксировавшие распределение луков между волостянами, и определяли эту долю, ибо как раз «по тем луком, — как заявляют писцы, — ведают они сами меж себя тони рыбные ловли по морскому берегу и в реке в Варзуге неводные и гаровные и поездные и в речных заборах». Фактическое владение луками — при постоянном, как увидим, перераспределении луков между крестьянами — тщательно учитывалось волостью. «Луки ведают промеж себя сами по своим крепостям», — констатировали писцы. Да это и понятно, лук являлся определенной единицей, по которой волость могла установить размер участия каждого хозяина в промысле (как в трудовом отношении, так

¹² Сб. ГКЭ, т. I, № 165, стр. 164—165. — По описаниям XIX в., поезды — это орудия, употребляемые при семужьем лове, представляющие собой мешки из сетей, которые за оба конца тянут в воде, гребя на лодках (И. Данилевский. Отчет, стр. 65). Лов с карбасов сельди в Сорокском заливе описан И. Данилевским (там же, стр. 40).

¹³ Архив ЛОИИ, Коллекция актовых книг, № 152, лл. 859—864.

и в отношении доли продукта), в податях, мирских сборах и повинностях.

Что же представлял собой лук в Варзужской волости? Лук как единица измерения владений крестьянского хозяйства встречается в довольно широком районе нашего Севера и зависит в своем содержании от экономических условий.

В Вотской пятине луками измерялась пашня. Так, в обыске 1571 г. о запустевших деревнях Кирьяжского погоста участок каждого крестьянина обозначался в луках. Например: «В деревни в Кюлакши лук пуст Игнатка Лутьянова..., в той же деревни лук пуст Мехика Пянтелицева..., в той же деревни лук пуст Мелентейка Игнатова». Все хозяйства разорены опричниками («опричники живот пограбили, скотину засекали»), и крестьяне «запустили» землю, положенную в луки.¹⁴ Лук более северной Сумской волости, по описи 1611 г. заключал около трех гектаров пашни и сенокосные угодья на 53—86 возов сена.¹⁵ Крестьяне Кемской волости в 30-х годах XVII в. понимали под луком определенное количество пашни, сенокоса и промысловые угодья.¹⁶ Лук в волости Керети по описанию 1574—1575 гг. включал промысловые угодья и сенокосы,¹⁷ причем писцы описывают сенокосы луковые (за каждым крестьянином отдельные пожни), а затем перечисляют сенокосные угодья нелуковые, всевозможные росчисти, полянки, которые крестьяне «держали» на оброке. Очень важно для характеристики керетского лука указание писцов на то, что волость расчистила «ново» два лука «по реке по Керети от забора до Колупаева порога».¹⁸ Итак, лук в Керетской волости, как и в других волостях, включал определенную земельную площадь, пусть и сенокосную. Луки, следовательно, могли запустеть. Так, от «Басаргина правежу и от мору» в конце 60-х годов запустело 15 луков, которые к 1574—1575 гг. перешли «из пуста в живущее»,¹⁹ т. е. землю, приходящуюся на лук, стали обрабатывать. По-другому рисуется в источниках лук Варзужской волости — это доля в промысловых угодьях. Пашни здесь, по приведенным выше свидетельствам писцов, вообще не было, сенокосы как определенная площадь земли, видимо, не включались в луки. Так, те же писцы, которые описывали Ке-

¹⁴ Д. Я. Самоквасов. Архивный материал. Новооткрытые документы помещико-вотчинных учреждений Московского царства, т. II, ч. 2. М., 1909, стр. 94.

¹⁵ А. И. Копанев. Материалы по истории крестьянства конца XVI и первой половины XVII в. В сб.: Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги БАН СССР, М.—Л., 1966, стр. 150.

¹⁶ А. И. Копанев. Оценная книга Кемской волости с волостками как источник экономической истории поморской деревни XVII в. Исследования по отечественному источниковедению. Сб. статей, посвященный 75-летию профессора С. П. Валка, М.—Л., 1964, стр. 344—354.

¹⁷ Сб. ГКЭ, т. II, № 138, стр. 451—462.

¹⁸ Там же, стр. 455.

¹⁹ Там же, стр. 457—458.

ретскую волость, при описании Варзужской волости не указывают луковых сенокосных угодий, хотя сенокосы в волости несомненно были, так как крестьяне держали скот (при описании дворов упоминаются хлевы и сenniки).²⁰ Сенокосные угодья фигурируют, впрочем, всегда в общей форме, в юридических актах, оформлявших различные сделки на луки.²¹ Видимо, лук давал право варзужскому крестьянину лишь на долю в сенокосных угодьях, так же как в промыслах. И так, лук в Варзужской волости представлял собой некую идеальную долю ее общих владений. Количественно луков того или иного хозяина обозначалась его собственностью в общинном угодьи, которой он мог распорядиться совершенно свободно: продать, променять, завещать в монастырь, разделить между детьми, дать в приданое и т. д. Все эти сделки совершались на луки, но они никак не выделялись от остальных луков. Например, в 1581 г. Емельян Артемьев с сыном дали в Троице-Сергиев монастырь 6 луков «своего угодья», обозначив местонахождение этого угодья общей формулой «в Варзуге реке и во всех ловищах... и в поморском берегу от рубежа от реки от Оленицы да до реки Пялице», т. е. указали границы всей волости.²² В других актах указывалось, что лук (или луки) находится «промеж волощаны варзужаны».²³ Эти формулы актов подтверждают заявления писцов о неделимости волостных угодий в Варзуге. Долевое значение лука очевидно из того, что количество луков в волости почти не изменяется. Более столетия описания дают почти одну и ту же цифру луков, зафиксированную впервые писцами 1563 г., — 866 $\frac{1}{3}$ лука. Пустели двory, пустели тони или устраивались новые, а идеальное деление на луки оставалось неизменным.²⁴

Как установилось такое число луков? Видимо, это было делом волостного мира. В одной закладной 1547 г. есть указание на то, что лук прежнего времени («по старой описи») превратился в два лука («по нынешней описи»)²⁵ Можно полагать, что в 40-х годах было проведено удвоение числа луков. Вообще следует отметить, что лук в Варзуге выражал более мелкую долю, чем, скажем, лук в Керетской волости. По сообщениям писцов, лук в последней стоил 12 рублей, в первой — 2 рубля (в действительности он продавался еще дешевле — по 1 $\frac{1}{2}$ рубля).²⁶ Следовательно, однообразие луков даже в сходных промысловых волостях не было.

²⁰ Там же, т. I, № 270.

²¹ Там же, №№ 247, 251, 253.

²² Там же, № 247.

²³ Там же, №№ 253, 260, 264.

²⁴ Различия в цифрах итогов в табл. 1 за разные периоды очень незначительны и объясняются, вероятно, недостаточностью источников.

²⁵ Сборник материалов..., стр. 28.

²⁶ Сб. ГКЭ, т. I, № 165, стр. 170, и т. II, № 138, стр. 457.

Как было сказано выше, лук — собственность крестьянина, которой он распоряжался по своей воле. Усиленная мобилизация луков, обусловленная экономическими причинами, имела следствием, с одной стороны, установление значительного неравенства в луковом владении внутри волости и облегчила проникновение в волость феодалов-монастырей, с другой.

Приобретая разными путями луки у крестьян, в Варзуге сначала укрепляются местные монастыри — Соловецкий, Сийский и Николо-Карельский, а затем и московские — Троице-Сергиевский, Новоспасский. Возрастает и владения патриарха. Данные о проникновении феодалов в волость сведены в табл. 1.²⁷

Таблица дает яркое представление о гибели крестьянской волости перед наступающим феодалом. Если в 1563 г. лишь 5%

Таблица 1

Рост феодальных владений в Варзуге

Принадлежность луков	1563 г.	1575 г.	1586 г.	1614 г.	1622 г.	Вторая половина XVII в.
Крестьянские	830 ¹ / ₃	726 ¹ / ₃	429	266 ¹ / ₂	—	—
Волостных церквей	—	12	—	—	—	—
Соловецкого монастыря	19 ¹ / ₂	105	224	224	224	243
Троице-Сергиева монастыря	—	—	115 ¹ / ₂	115 ¹ / ₂	115 ¹ / ₂	129
Николо-Карельского монастыря	10	16 ¹ / ₂	30 ¹ / ₂	30 ¹ / ₂	30 ¹ / ₂	43
Сийского монастыря	6 ¹ / ₂	6 ¹ / ₂	45	45	45	44
Новоспасского монастыря	—	—	—	134	134	134
Патриаршие	—	—	—	—	266 ¹ / ₂	267
Кобелева	—	—	21 ¹ / ₂	21 ¹ / ₂	21 ¹ / ₂	—
Всего	866 ¹ / ₃	866 ¹ / ₃	865 ¹ / ₂	837	837	860

луков принадлежало феодалам, то к концу века уже 50%, а в начале 20-х годов XVII в. вся волость перешла в их владение. Тяжелое экономическое положение Варзужской волости во второй половине XVI в. (после опричного погрома и в годы хозяйственного кризиса) явилось благоприятным условием для приобретательской деятельности монастырей. Именно в 70-х и в начале 80-х годов более чем в 10 раз возросло число луков, принадлежавших Соловецкому монастырю, и создались владения Троице-Сергиева монастыря.

²⁷ Таблица составлена по описаниям, указанным выше (см. стр. 176); данные за 1586 г. и за вторую половину XVII в. взяты из работы А. А. Савича (Соловецкая вотчина XV—XVII вв., стр. 201—202). Данные о владениях Ивана Кобелева в 1614 г. см.: Сб. ГИЭ, т. I, № 444, стр. 486.

Впервые Соловецкий монастырь приобрел «участки» в Варзуге в XV в.²⁸ Вероятно, это были три тони около Кашкаранцев, которые находились в XVI в. во владении монастыря и не входили в состав тонн Варзужской волости.²⁹ Волостные луки монастырь приобретал в XVI в. путем купли, заклада,³⁰ а еще чаще — через вклады по душе. Во вкладной книге Соловецкого монастыря XVII в. записано более 30 вкладов варзужских крестьян XVI в., которые пожертвовали в монастырь 111³/₄ лука. Если учесть, что вклады относятся главным образом к периоду экономического упадка и политического разгрома волости, то можно понять и причину этого явления; уступая свои луки монастырю, крестьяне, видимо, рассчитывали на его защиту.³¹ Несомненно Соловецкий монастырь и покупал луковые угодья, так как, помимо вкладных луков, за ним в 1586 г. числилось еще 112¹/₂ луков. Старцы Троице-Сергиева монастыря начали приобретать луковые угодья в Варзуге с 1580 г. и в короткий срок — к 1586 г. — завладели 115¹/₂ луками.³² В данном случае главный источник — покупка. Так же, вероятно, образовались и более мелкие монастырские владения в Варзуге — Сийского и Николо-Карельского монастырей. Иван Кобелев, московский гость и промышленник, купил в Варзуге более 20 луков уже в начале 80-х годов. Как относилась волость к факту выхода луковых угодий из крестьянских рук, сказать трудно. Но одно очевидно. Волость не допускала, чтобы феодал осваивал ту или иную часть территории волости для своего промысла. Феодал должен оставаться дольщиком, как другие волощане, и в соответствии с числом луков пользоваться угодьями.

Характерный в этом отношении случай произошел в 1582 г. Троице-Сергиеву монастырю в 1581 г. удалось получить на оброк 29 тонн, расположенных по берегу моря между рр. Каменкой и Пялицей. Волость запротестовала и отняла указанные угодья у монастыря.³³ Несмотря на повторную царскую грамоту, троицким старцам не удалось закрепить за монастырем эту территорию. Волость владела ею до конца своего существования.³⁴ Полностью волость перешла в руки феодалов уже при первом Романове. В 1615 г. царь пожаловал Новоспасскому московскому монастырю (где погребались представители рода Романовых) 25 дворов (а людей в них 35) и 134 лука в Варзуге.³⁵ В 1619 г. остальная часть волости была передана царем патриарху. В жа-

²⁸ ГВИП, стр. 242—246.

²⁹ Сборник материалов. . ., стр. 38.

³⁰ Там же, стр. 28—29.

³¹ Архив ЛОИИ, Коллекция актовых книг, № 152, лл. 859—863.

³² Сб. ГКЭ, т. I, №№ 235, 247, 250, 251, 264, 265.

³³ Там же, № 255.

³⁴ Там же, № 444, стр. 490.

³⁵ АИ, т. I, № 60; Сб. ГКЭ, т. I, № 444, стр. 487.

лованной грамоте от 20 ноября 1619 г. говорится, что патриаршему дому передается 61 двор, а людей в них 72 человека, а угодья 267 луков.³⁶ И это владение не выделено, сказано лишь, что оно «по Варзуге и по морскому берегу от р. Оленицы до Пялицы».³⁷ «А те у них угодья не делены, а владеют ими меж себя, считаясь по лукам».³⁸ Итак, традиционная система «владения по лукам» осталась нетронутой и тогда, когда волость попала полностью в руки феодалов.

Наступление феодалов на волость облегчилось тем обстоятельством, что внутри ее происходила значительная дифференциация. Это прежде всего выражалось в неравномерности распределения луковых угодий между крестьянскими семьями. Данные о распределении луков по всем доступным нам описаниям сведены в табл. 2.

Хотя общее число крестьян-владельцев в каждом описании уменьшается (210, 130, 104 и 68), однако картина неравенства между крестьянами вырисовывается с полной очевидностью. Если сопоставить процентное отношение количества владельцев в каждой группе с процентным отношением числа луков, принадлежавших этой группе, ко всему числу луков в волости, то мы увидим разительные расхождения в иолярно противоположных группах. Так, по описанию 1563 г. первая группа, составляющая 21.9% всех волощан, владела лишь 4.4% всех луков; вторая группа, составляющая 18.1%, владела 8% луков; в то же время группа последняя, составляющая лишь 6.1% всех владельцев, имела в своем распоряжении 21.9% волостных луков. Иначе говоря, 40% малосостоятельных волостных крестьян владели едва половиной того, что принадлежало 13 богатым владельцам. Следя за группами по всей таблице, мы замечаем, что процентное отношение, выведенное для 1563 г., примерно совпадает с процентным отношением для 1614 и 1622 гг. Здесь та же дифференциация владений. Некоторым диссонансом выглядят данные за 1575 г. — неравенство, хотя оно и имеется, не столь разительно. Преобладающее место занимают средние владения. И это объяснимо. Описание волости происходило после ее опустошения. Писец, конечно не без участия волощан, раздавал пустующие дворы новым жильцам, тогда же распределялись заново и выморочные луки. Устанавливалось относительное уравнение. Однако оно удерживается очень недолго. Уже через 20—30 лет мы видим то же неравенство во владении луковыми

³⁶ Сб. ГКЭ, т. I, № 496, стр. 551.

³⁷ Там же, № 496, стр. 552.

³⁸ Очень наглядно совместное владение угодьями в волости Умбе двух монастырей (Кирилло-Белозерского и Соловецкого), в соответствии с принадлежавшими им луками, дает выпись из отводных книг 1584—1585 гг. Монастыри совместно «по лукам» делали заборы в реке, обеспечивали некоторые тони орудиями лова, делили улов, косили покосы, пользовались мельницами и т. д. (Сб. ГКЭ, т. I, № 285, стр. 271—276).

Таблица распределения луков

Количество луков	1508 г.				1575 г.				1614 г.				1622 г.			
	количество в группе	%	количество в группе	%	количество в группе	%	количество в группе	%	количество в группе	%	количество в группе	%	количество в группе	%	количество в группе	%
До 1	45	21,9	37	4,4	6	4,6	4 $\frac{1}{2}$	0,5	32	30,0	29 $\frac{1}{2}$	7,2	14	20,6	12	4,5
До 2	38	18,1	67	8	5	3,8	9	1,1	11	10,0	22 $\frac{1}{2}$	5,5	4	6	8	3
До 3	31	14,7	86 $\frac{1}{2}$	10,3	18	13,8	53 $\frac{1}{2}$	7,4	16	15,3	37 $\frac{1}{2}$	9,2	14	20,6	37	14
До 4	25	11,9	93 $\frac{1}{4}$	11,2	27	20,7	107	13,6	16	15,3	62 $\frac{1}{2}$	15,5	11	16,2	42	16
До 5	11	5,2	52 $\frac{3}{4}$	6,2	19	14,6	95	13,4	9	8,6	56 $\frac{1}{2}$	13,9	9	13,2	45	17
До 6	19	9	108 $\frac{3}{4}$	13	22	16,9	131	18,2	5	4,8	31 $\frac{1}{2}$	7,7	5	7,4	28	10,2
До 7	12	5,7	81	9,8	7	5,3	49	6,9	3	2,7	22 $\frac{1}{2}$	5,5	3	4,4	21	8
До 8	10	4,7	78 $\frac{1}{4}$	9,4	11	8,4	86	12	4	3,9	33 $\frac{1}{2}$	8,2	1	1,5	8	3
До 9	4	1,8	35	4,2	3	2,3	25	3,5	1	0,9	8 $\frac{1}{2}$	2	2	2,9	17 $\frac{1}{2}$	7,4
До 10	1	0,5	9	1	4	3	40	5,6	1	0,9	9 $\frac{1}{2}$	2,2	—	—	—	—
Свыше 10	13	6,1	182	21,9	8	6,1	118 $\frac{3}{4}$	16,4	6	5,7	87	21,7	4	6	48	18
Всего	210		830 $\frac{1}{2}$		130		718 $\frac{3}{4}$		104		401		68		266 $\frac{1}{2}$	

угодьями, которое как итог длительного развития зафиксировано было описанием 1563 г. Отсутствие стабильности в распределении луков подчеркнуто в своеобразной форме писцами Постником Балакшиным и Прокофием Яковлевым. Раздав в 1586 г. выморочные и пустые луки варужанам, за которыми луков было мало или совсем не было, и опасаясь, что эти луки перейдут в руки «старцев», писцы взяли с крестьян «поруки» в том, чтобы они никак не отчуждали своих владений в монастыри.³⁹ «Поруки» эти, видимо, имели реальное значение, так как после 1586 г. и до раздачи правительством Михаила Романова монастырские владения в Варзуге (см. таблицу № 1) не увеличились. Но процесс перераспределения луков между крестьянами проходил весьма активно, о чем свидетельствует углубление неравенства в волости к началу XVII в. (см. табл. 2). Видимо, экономическое состояние определенной группы крестьян было таково, что опасность утраты луков для них была всегда вполне реальна. Такие крестьяне экономически деградировали: «вочились меж двор», как это отмечено писцовой книгой 1586 г.,⁴⁰ покидали волость, превращались в бобылей. По писцовой книге Вельяминова Зернава 1622 г. в Варзуге числилось 10,1% бобыльских дворов,⁴¹ т. е. таких дворов, которые не имели луков.⁴²

Собственность крестьянина на лук как идеальную долю угодья и связанная с этим полная свобода распоряжения им обусловили большую динамичность в распределении реальных угодий, находившихся в нераздельном владении общины. Но лук определял не только долю в угодьях. Если принять во внимание, что промысел производился «всею волостью», то станет ясно, что лук определял также и долю труда, которую обязан был нести в общем промысле каждый владелец лука, будь то крестьянин или втесавшийся в волость монастырь. Волость, конечно, знала, сколько требуется средств для организации промысла и сколько рабочих для его ведения. То и другое рассчитывалось по лукам. У нас нет таких документов, которые бы позволили уяснить самую систему расчета, но что она существовала — несомненно.

В этом плане целесообразно сослаться на практику более позднего времени. В XIX в. в Варзуге и в соседней с ней волости Умбе при общинном владении неразделенными угодьями раскладка доходов от промыслов (они сдавались волостью на откуп) производилась по душам. На души раскладывались и трудовые затраты: например, в Умбе для постройки забора в реке назна-

³⁹ А. А. Савич. Соловецкая вотчина XV—XVII вв., стр. 201.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Сб. ГКЭ, т. II, № 105, стр. 312—313.

⁴² В Кемской волости в 30-х годах XVII в. бобылями считались те, кто не имел луковых угодий.

чался один рабочий с 5 душ.⁴³ Следовательно, «душа» символизировала некую долю в неразделенных угодьях.⁴⁴ В XVI—XVII вв. такой твердой единицей раскладки мог быть только лук. И таких луков в волости Варзуге было 866.

В результате строгого проведения — а это несомненно, так как за этим следила вся волость, — принципа расчета по лукам обязанность участия в труде для каждого владельца была очень различна: для одних мала, для других велика. Пропорционально своим владениям большую долю труда должны были нести монастыри. Но эта идеальная справедливость сводилась на нет экономическими условиями внутри волости. Как состоятельные крестьяне, имевшие большое число луков, так и феодалы владельцы луков находили рабочую силу в той же волости, среди именно тех групп крестьян, которые обладали ничтожным количеством луков. Для них труд на общем промысле был экономической необходимостью. Работа по найму за деньги («покрута») или из доли промысла (например, от 5-й рыбы) была источником существования для значительного числа волощан. Итак, социальный результат дифференциации, о которой мы говорили выше, — это углубление процесса господства и подчинения внутри волости, углубление эксплуатации мало обеспеченных луковыми владениями крестьян со стороны богатых волощан и феодалов.

Как же был организован промысел в волости? Конечно, заявление писцов о промысле «всей волостью» совсем не означало, что в ней отсутствовала внутренняя организация промысла. Наоборот, некоторые документы позволяют нащупать эту организацию. Так, закладная 1547 г. говорит, кажется, о делении волости на четверти.⁴⁵ Из отводной книги 1614 г. узнаем о разделении волости на пятины, — причем, судя по описаниям 10 крестьянских пятин, определяющим для пятины было не число крестьянских хозяйств, отнесенных к ней, а число луков — 43 лука. В пятинах было 14, 13, 12, 11, 8 и даже 6 хозяйств, но число луков было равным. В нескольких случаях в состав крестьянской пятины были включены луки феодалов: 6½ луков Соловецкого монастыря,

⁴³ Н. Данилевский. Отчет, стр. 74—75. — В 1858 г. на душу пришлось 17 руб., в 1859 г. — от 37 до 40 руб.

⁴⁴ В самой организации продавал на откуп рыбных угодий в Варзуге в XIX в. налицо пережитки прошлого. Все 987 дуп разделены на 5 участков, называемых ярлыками. Каждый ярлык имеет свою долю в каждом из рыболовных угодий. Но участки эти разделены не в действительности, а идеально. Каждый ярлык продавал откупщику лишь свою долю (например, 1/5 долю забора в Варзуге), а полученные деньги, после вычета суммы на уплату подушной подати, делил по душам. Так как ярлыки продавали свои участки порознь (в отдельных избах), то и цена за доли в одном и том же участке была разная, а значит и доход на душу. Откупщик мог купить все 5 частей того или иного участка, — тогда он пользовался им один; или купить одну, две части, — тогда пользовался долей участка (Н. Данилевский. Отчет, стр. 72—74).

⁴⁵ Сборник материалов..., стр. 28.

21½ луков куща Ивана Кобелева, 5 луков московского Новоспасского монастыря.⁴⁶ По позднейшим данным, 430 луков, захваченных монастырями, были тоже распределены на 10 пятин по 43 лука, т. е. все 860 луков Варзужской волости составили 20 пятин.⁴⁷ Таким образом, пятинна была 1/20 долей всей волости и являлась удобной формой как для распределения угодий волости и продуктов промысла, так и для распределения трудовых обязанностей волощан. Пятинна могла явиться и работоспособной трудовой артелью. Вероятно, труд таких пятин и предполагают заключительные слова отводной книги 1614 г.: «... на всех рыбных ловищах по реке по Варзуге и по морскому берегу по рекам и по тоням и по лешим озерам ловят варзужаня и монастырские ловцы ежегод переходя, а те у них угодья не делены».⁴⁸ Переход артелей из года в год на разные участки рыбных угодий уравнивал в какой-то мере шагсы рыбаков на улов. Итак, сама организация промысла была основана на неделимости волостных угодий. Это условие соблюдается и тогда, когда половина волости — 430 луков — находилась в руках феодалов.

Попытаемся хотя бы приблизительно определить экономическое состояние крестьянского хозяйства XVI в.

Начнем с главного: что давал крестьянам основной промысел — рыбный? В источниках, конечно, нет указаний на общую сумму дохода волости от этого промысла, но приблизительно ее можно установить из суммы платежа «за десятую рыбу». По описаниям 1563 и 1575 гг., платеж за десятую рыбу исчислялся в размере 140 р.⁴⁹ Так как по другим источникам очевидно, что «десятая рыба» действительно составляла десятую часть всего улова,⁵⁰ то, выходит, при оценке «десятой рыбы» в 140 р. весь улов (т. е. весь доход Варзуги) может быть оценен в 1400 р. Вычтем из суммы налоги, уплачиваемые волостью в размере 308 р. (12 р. 13 а. 2 д. — оброк по гривне со двора, 51 р. 32 а. 3 д. — дань с лука по 2 а., 140 р. — за десятую рыбу, 105 р. — тамга),⁵¹ и мы получим

⁴⁶ Сб. ГКЭ, т. I, № 444.

⁴⁷ А. А. Савич. Соловецкая вотчина в XV—XVII вв., стр. 202.

⁴⁸ Сб. ГКЭ, т. I, № 444, стр. 490.

⁴⁹ Там же, № 165, стр. 170.

⁵⁰ А. И. Андреевым приведен разительный пример соответствия «десятой рыбы» с уловом по Понойскому промыслу (см.: Сборник материалов..., стр. 17—18). Размер платежа за «десятую рыбу» оставался неизменным, видимо, долгое время. В 1581 г. казна сдала на откуп сбор «десятой рыбы» в Варзуге двум крестьянам, обязавшимся «наддать» 5 р. к прежней сумме и платить 145 р. (Сб. ГКЭ, т. II, № 236а, стр. 830).

⁵¹ Все налоги указаны в описании 1563 г., за исключением тамги, — видимо, случайно пропущенной. В описании 1575 г. тамга уже указана (Сб. ГКЭ, т. I, № 165, стр. 163, 170; Сборник материалов..., стр. 37). Точность указанной нами цифры платежей подтверждается распиской дьяков Андрея Арцыбашева и Семена Собака Васильева о приеме в казну в Четвертной приказ с Варзуги «со всех угодий оброку и пошлин» на 1578 г. 333 р. 16 а. 3 д. В расписке оговаривается, что с 14 луков Сийского монастыря платежи (5 р. 21 а. 3 д.) не взяты «по государева жалованной гра-

1092 р. чистого дохода. Если разделить этот доход на число луков (866), то выйдет, что на каждый лук приходилось по 1 р. 4 а. 4 д. Исходя из вышеприведенной таблицы распределения луков между волощанами, мы можем сделать вывод о большом неравенстве в распределении доходов от промыслов. Более 20% крестьян имели доходы по рублю и ниже рубля, 18% — от 1 до 2 р., 15% — от 2 до 3 р. Были и такие крестьяне, которые получали свыше 10 р., до 20 и 30 р. Чтобы дать представление о реальном значении этого дохода, сравним доход на лук с ценами того времени на хлеб. А. Г. Маньков отметил цены ржи в Поморье (Двина, Холмогоры, Ненокса, Николо-Карельский монастырь) для периода с 1550 по 1565 г. 16 раз, что позволяет вывести среднюю цену на эту культуру в 78 денег московских за четверть.⁵²

Исходя из этой цены, на доход, полученный с одного лука, можно было купить 3 четверти ржи (около 20 пудов). Такого реального значения доходов одного лука. Из этого расчета совершенно очевидно бедственное положение крестьянина, владевшего частью лука, одним луком или двумя-тремя луками, и большие возможности для скопления значительных богатств в руках крупных луковладельцев. Вот пример: Денис Захарьев, владелец 7½ луков (по описаниям 1563 и 1575 гг.), дал вкладом в Соловецкий монастырь «за себя и за сына» 10 луков, двор, хоромину, кабалы — всего на 84 р.⁵³ Как видим, этот разбогатевший крестьянин был еще и ростовщиком. Многие другие вкладчики Соловецкого монастыря делали ценные вклады как натурой (скот, постройки, рыболовные снасти, суда) так и крупными денежными суммами. Конечно, эти экономически сильные крестьяне могли с помощью денег приобрести новые луки, принудить работать на себя обедневших волощан и т. д. Внешним выражением несостоятельности крестьянина является отсутствие у него двора. В отказной книге 1614 г. таких крестьян-луковладельцев насчитывалось 15,4%.⁵⁴

Хотя рыбный промысел и был основным источником существования крестьян, но, конечно, не единственным. Если взглянуть на описание двора в Варзуге (например, двор Козьмы Юкшева,

моте». В сумму, доставленную в Четвертной приказ зимой 1578 г., входили еще 25 р. оброка, наложеного в 1575 г. на Варзугу и монастыри за пользование угодьями между реками Каменкой и Пялицей — 29 тонн и 4 забора (Сборник материалов..., стр. 37; ГРЭ, т. II, № 236а, стр. 830). Деньги, согласно расписке, в Москве платили крестьянин Варзужской волости Иванец Марфин (владелец 15 луков по описанию 1575 г.) и слуга Соловецкого монастыря Семейка Иванов. Участие соловецкого слуги в доставке денег в Москву показывает, что этот монастырь, — а следовательно, и другие монастыри (за исключением Сийского), — платил в этом году все налоги вместе с волостью (Архив ЛОНИ, Двинские акты, № 28).

⁵² А. Г. Маньков. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.—Л., 1951, стр. 104—105.

⁵³ Архив ЛОНИ, Коллекция актовых книг, № 152, л. 866.

⁵⁴ Сб. ГРЭ, т. I, № 444.

данный им Троице-Сергиеву монастырю: «а во дворе хором изба на зместе с комнатою, да клеть на подклете, да сени, да сенник на дву хлебах, да мыльня, да на другую сторону ворот горенка на подклете, да на улице против двора амбар, да на яме, где лодьи приставают, амбар, да огородец за двором копустник»),⁵⁵ то можно увидеть, что крестьяне держали скот, возделывали около дворов огороды, высаживая в них капусту, репу, лук. Скот, видимо, держали лишь крупный, — во всяком случае, в многочисленных вкладах варзужан в монастыри фигурируют только коровы и лошади.⁵⁶

Какой-то доход получали крестьяне от звериного промысла, но он не поддается учету.

Имея в виду различные источники дохода и учитывая реальное значение дохода, приходившегося на лук, можно сделать заключение, что крестьяне с владением в 3 лука и ниже (около 50%) могут считаться несостоятельными или малосостоятельными. Дополнительным источником для них была работа по найму в монастырском хозяйстве или у богатого волощанина. Крестьянами среднего достатка можно считать владельцев 4—6 луков (около 30%). Достаточно сказать, что они могли приобрести лишь за доходы от рыбного промысла 12—18 четвертей ржи и, видимо, обеспечить семью хлебом. А мясо, молоко и овощи, вероятно, в таких хозяйствах были в достаточном количестве. Крестьяне с владением в 7 луков и выше (около 20%) могут считаться уже состоятельными, а некоторые — несомненно богатыми. Для ведения своего хозяйства они нуждались в дополнительной рабочей силе.

Мы рассмотрели внутреннюю жизнь неземледельческой волости XVI—XVII вв. Сохранившиеся источники позволили с известной подробностью описать лишь экономические явления. Экономика волости базировалась на общей собственности волости на все угодья в ее границах. Доля каждого волощанина определялась лишь как идеальная, невыделенная доля в форме лукового владения. Этой идеальной долей определялся размер труда волощанина в общем промысле и количество продукта. Активная мобилизация луков приводила к значительной дифференциации внутри волости и облегчала проникновение феодалов в волость. Но феодал не смог разрушить традицию неделимости волостных угодий и в сфере производства стоял в ряду с волощанами. Лишь со временем, — вероятно в начале XVII в., — феодалы добились права платить различные платежи отдельно от волости.⁵⁷ Не-

⁵⁵ Там же, № 252, стр. 243.

⁵⁶ Архив ЛОИИ, Коллекция актовых книг, № 152, лл. 859—863.

⁵⁷ Сб. ГКЭ, т. I, № 394, стр. 389. — Согласно грамоте 1603 г., с владений Троице-Сергиева монастыря в Варзуге деньги за «десятую рыбу» и оброк взимаются отдельно от волости.

смотря на внутреннюю имущественную дифференциацию, волость была спаяна экономически и потому сильна в общественно-политическом отношении. В 1603 г. Троице-Сергиев монастырь жаловался царю Борису Годунову, что варзужане «обидят» их, рыбу отнимают, долгов не платят, и с горечью констатировал, что ему защиты нет, так как в волости «приказных людей нет, управы просить не у кого».⁵⁸

⁵⁸ Там же, № 391, стр. 385.